

СИМВОЛ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА: ОБНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© 2010 Е. А. Царева

доц., канд. филос. наук, доц.
e-mail: helentsaryova@rambler.ru

Курский государственный университет

В статье рассматривается проблема переосмысления подходов, сложившихся в рамках изучения такого феномена, как символ. В связи с изменением роли символического фактора в условиях социально-культурной практики России конца XX столетия, автор обосновывает необходимость анализа символа на новом критическом уровне и выявляет некоторые аспекты такого анализа.

Ключевые слова: семиотическая сфера, символ как культуuroобразующий феномен, символ как симулякр, симуляция, гиперреальность.

В историко-философском дискурсе сложились различные трактовки символа и подходы к его исследованию. Явная девальвация этого феномена в условиях социально-культурной практики России конца XX столетия позволяет предположить, что имеющиеся подходы требуют сегодня переосмысления. Необходимость подобной ревизии обусловлена и теми трансформациями, которые претерпевает наше общество на рубеже XX–XXI столетий. Формирование новой социальной модели, конфликт ценностей и многие другие факторы оказывают влияние на символическую сферу.

Изменения в символической сфере нацеливают не только на анализ причин и характера этих процессов, но прежде всего на переосмысление места и роли символического фактора в контексте современной социально-культурной практики. Особую значимость в этой связи представляет вопрос о том, сохраняют ли современные символы статус культуuroобразующих феноменов. Вышесказанное актуализирует проблему понимания символа на новом критическом уровне, обуславливает необходимость поиска новых подходов к его анализу и, таким образом, обновления теоретического дискурса, сложившегося в рамках изучения данного феномена.

С точки зрения автора статьи, традиционные подходы, при всем их многообразии и особенностях, акцентируют внимание на символе как культуuroобразующем феномене. Базовыми в русле такой концептуализации являются положения, разработанные Э. Кассирером, К. Леви-Стросом, Ж. Лаканом, А.Н. Уайтхедом, А.Ф. Лосевым, Ю.М. Лотманом. Исследование символов названными авторами включает различные аспекты его трактовки, что зависит от исходных теоретических установок. Вместе с тем построения Э. Кассирера, К. Леви-Строса, Ж. Лакана, А.Н. Уайтхеда, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана объединяет общая точка зрения, связанная с признанием значимости символического фактора в социально-культурной практике. Обоснование символа как культуuroобразующего феномена в построениях этих авторов оформляется на пересечении целого ряда вопросов: от выявления механизмов функционирования в первобытном бессознательном К. Леви-Стросом до обоснования символа в качестве связующего звена между психикой субъекта и миром культуры Ж. Лаканом, от утверждения символа предельно широким

понятием человеческого мира Э. Кассирером до признания А.Н. Уайтхедом символического фактора важнейшим в жизни общества.

Анализ взглядов Э. Кассирера, К. Леви-Строса, Ж. Лакана и А.Н. Уайтхеда дает основания сделать вывод о том, что понимание символа как культуuroобразующего феномена базируется на следующих положениях.

Символ – это, прежде всего, смысловое образование, особый вид означивания, результат духовной деятельности человека (Э. Кассирер, А.Н. Уайтхед). В социально-культурных практиках традиционных сообществ символический фактор является определяющим (К. Леви-Строс). Как смысловое образование, символы требуют активного восприятия их субъектами (А.Н. Уайтхед). Без символа невозможно формировать представления о мире (Э. Кассирер). Символы как средства доступа к действительности помогают строить отношения человека с миром (Э. Кассирер, Ж. Лакан). Человек живет в символическом мире, производит символы и пользуется ими, символы имеют ценностное значение (Э. Кассирер). Как основное звено символического универсума, символ связывает мир культуры и мир человека посредством языка (Ж. Лакан). Символы аккумулируют и транслируют социально-культурный опыт человечества (Э. Кассирер). Символическому порядку свойственна созидательная функция (Ж. Лакан). Символическая функция присуща также современным социально-культурным практикам, общество организуется в соответствии с имеющимися символами. Символы оказывают влияние на социально-культурные процессы (А.Н. Уайтхед) [Царева 2006].

В отличие от понимания символа как культуuroобразующего феномена показательна трактовка символического в постмодерном теоретизировании. Определение места символического в современной культуре, характеристика процессов символизации, выявление специфики символических репрезентаций российской культуры на рубеже XX–XXI столетий, с необходимостью требуют обращения к взглядам Ж. Бодрийяра, У. Эко, Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Делеза. Оценка названными философами современности как эры тотальной симуляции, обоснование проблемы смешения кодов в результате подмены символов симулякрами, проблемы знака без референта, кризиса репрезентации побуждают взглянуть под новым углом зрения на процессы, связанные с состоянием «знаковости», «кодирования», «символичности», и установить, сохраняют ли сегодня символы статус культуuroобразующих феноменов.

В контексте переосмысления феномена символического и выявления его понимания, адекватного современной социокультурной практике, основополагающими являются следующие вопросы. Какие системообразующие положения составляют содержание подходов, сложившихся в постмодерном теоретизировании? Чем характеризуются символы в условиях явно просматривающейся тенденции тотальной семиотизации бытия? Сохраняют ли символы статус культуuroобразующих феноменов в этих условиях? Что означает тенденция редукции символа к знаку? Ответы на данные вопросы предполагают осмысление современных символов не только в теоретическом аспекте, но и через историко-культурный контекст российской жизни рубежа XX–XXI веков. Однако рамки данной статьи не позволяют провести подробный анализ поставленных вопросов.

Для прояснения сущности обозначенных процессов автор считает необходимым, прежде всего, осмыслить понятие «симулякр». Данный концепт, наилучшим образом раскрывающий сущность принципиально нового видения символа, получает детальную разработку в трудах Ж. Бодрийяра и обозначает единицу неподлинного смысла, функционирующего в культуре.

Ж. Бодрийяр, не ссылаясь на Р. Барта, по сути дела, развивает основную идею бартовских мифологий – идею неподлинности мира, наполненного вторичными

смыслами [Зенкин 2000: 13–14; Костина 2008: 73–74]. В своей теории Ж. Бодрийяр трактует симулякры как знаки без денотатов, автономные от референтов, а симуляцию рассматривает как создание условной реальности – гиперреальности, единицей которой становится симулякр [Бодрийяр 2000: 147–154]. Положение о том, что символы и знаки создают особую семиотическую сферу, соотносящуюся с реальностью как гиперреальность, обосновывают также Р. Барт и У. Эко.

Как известно, идея симулякра восходит к идее «порождающей среды», которая была в свое время разработана Платоном. Платон считал, что среда содержит в себе «видимости», «подобия», «симулякры», то есть первообразы всех земных объектов, которые, проецируясь на материю, приводят к оформлению всего, что наполняет земное пространство (см. [Делез 1993: 45–56]). Такая демиургическая способность эйдосов позволила А.Ф. Лосеву обозначить их термином «порождающая модель».

В отличие от подходов, в которых символ трактуется как культуuroобразующий феномен, особенность подхода Ж. Бодрийяра к проблеме символа заключается в попытке придать этому понятию социально-критический характер. В контрверзе вопроса о символе как культуuroобразующем феномене или симулякре важнейшим представляется положение философа о том, что символическое – это определенный способ понять современное общество и, главное, определить его ценностные характеристики.

Иллюстрацией символического в социально-культурной практике выступают, с точки зрения Ж. Бодрийяра, феномены «дара», «жертвоприношения», которые соотносятся с понятием «обратимость». О наличии символического в обществе свидетельствует существование «обратимых», а не «эквивалентных» отношений. Когда обратимость нарушается, то символическое отношение погибает, возникает власть [Бодрийяр 2000: 96]. Примеры обратимых отношений Ж. Бодрийяр открывает в архаических сообществах, находясь под влиянием известной работы М. Мосса «Очерк о даре», в которой французский антрополог исследует, как функционирует рынок до «монетного чекана» [Мосс 1996: 85–111]. Ж. Бодрийяр видит в феномене дарения первобытного общества противоположность социального и экономического обменов, когда «все – пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги – составляет предмет передачи и возмещения» [Бодрийяр 2000: 103].

Социальный обмен в первобытном обществе, с точки зрения Ж. Бодрийяра, не всегда означал, что подаренная вещь может быть замещена другой. В северо-американских племенах существовала такая форма дарения, когда во время зимних празднований нерационально уничтожались все произведенные племенем запасы, что среди антропологов получает название «потlach» [Мосс 1996: 134–155]. Некоторые виды потлacha требуют от человека истратить все, что у него есть, ничего не оставляя себе. Ж. Бодрийяр, обостряя антропологию М. Мосса, считает, что первобытный символический процесс не знает бескорыстного дара, ему известен лишь дар-вызов. Такая форма для Ж. Бодрийяра является образцом символических отношений [Бодрийяр 2000: 42]. Символический обмен, с точки зрения Ж. Бодрийяра, это социальный институт, который в архаических обществах определяет коммуникацию. Символический обмен выстраивается относительно субъекта, и принципом интерактивности является здесь не симметрия эквивалентного обмена, а асимметрия дара.

Исчезновение символического отношения как формы связи между людьми Ж. Бодрийяр связывает с процессами накопления, когда вещи не растрачиваются, а становятся предметом накопления. Философ заключает, что именно капитализм уничтожает символическое, поскольку в условиях отчуждения проявление дара

становится невозможным. С устранения всякой соотнесенности и ликвидации всех референтов начинается эра симуляции.

Ж. Бодрийяр считает, что у современного симулякра есть своя история. Она начинается с того момента, когда возникает первая подделка. Мода и подделка, отмечает философ, рождаются одновременно в эпоху Возрождения. Но подделку не следует рассматривать как некое ухищрение преступного сознания. Эпоха Возрождения с его культом театральности создает целую «метафизику подделки». Новая стадия в истории симулякра связана с развитием рыночных отношений, с эпохой промышленной революции, когда создается возможность серийного производства вещей, которые выражают уже не отношения аналогии или подражания, а скорее отношения эквивалентности, неразличимости. В массовом количестве появляются идентичные объекты, которые не соотносятся между собой как копия и оригинал. Третий, современный период истории симулякра связан с «метафизикой кода» [Бодрийяр 2000: 111–115, 126].

Открытый биологами генетический код воспроизводства всего живого может послужить моделью информационных процессов, происходящих в обществе. В сигналах кода отсутствует всякая референция, цель не полагается в конце, но присутствует изначально и не подлежит коррекции. Аналогичные процессы происходят и в обществе, когда социальный контроль через формулирование целей заменяется социальным контролем через симуляцию. Иначе говоря, целенаправленный процесс социализации замещают порождающие модели, становление симулякров подчиняется коду, наступает эпоха недетерминированных субъектов и ценностей, таких субъектов порождает не целевая установка, а некая модель, матрица. Можно сказать, что Ж. Бодрийяр использует понятие «симулякр» еще и для того, чтобы выразить изменения ценностного сознания современного общества. С его точки зрения, в современном обществе происходит «ценностный дрейф», не обусловленный трансцендентными ценностями [Бурлачук, Танчер 2002: 18–20].

Замену реального «знаками реального» философ рассматривает как убедительное доказательство эволюции современной культуры, отказывающейся от парадигмы «отражения реальности» и принимающей ее симуляцию. Реальность, дублированная посредством репродуктивных материалов, исчезает, «становится аллегорией смерти, но самым этим разрушением она и укрепляется, превращается в реальность для реальности... гиперреальность» [Бодрийяр 2000: 149]. Таким образом, «симулякры берут верх над историей», «ликвидируя нас вместе с историей» [Бодрийяр 2000: 122, 94].

Следует подчеркнуть, что Ж. Бодрийяр выходит за рамки семиотической проблематики и рассматривает культуру не только как систему знаков, опосредующих процесс коммуникации, а как своеобразную виртуальную систему, в которой обмен между знаками и реальностью прекращается, знаки соотносятся лишь друг с другом и, таким образом, подлинная социокультурная реальность подменяется симуляционной. Окончательно знаки отрываются от своих референтов и получают статус симулякров, с точки зрения Ж. Бодрийяра, в результате непрерывной эксплуатации языка кода.

Новизна подхода Ж. Бодрийяра к проблеме симулякра состоит в том, что платоновская схема репрезентации рассматривается философом не как отвлеченная идеалистическая схема. В контексте платоновской репрезентации модель переживает свое подобие, она долговечнее его. В условиях тотальной симуляции, рассмотренной Ж. Бодрийяром, реальность «переживает» лишь саму себя.

Ж. Бодрийяр анализирует современную культуру, массовые формы которой образуют симуляцию истории, социальности, информации, секса и, наконец, самой реальности. В качестве «порождающей» модели философ рассматривает прежде всего

средства массовой коммуникации, и особенно кино и телевидение [Костина 2008: 73–74]. Ж. Бодрийяр показывает, что современная культура в своем массовом варианте вырабатывает независимые от трансцендентных образов симуляционные формы и строит на этой основе новую среду жизни человека.

Социальное, подчеркивает Ж. Бодрийяр, «имело смысл исключительно в пределах симулякров второго порядка. Сегодня оно поглощается симулякрами третьего порядка и потому умирает» [Бодрийяр 2000: 92]. Разрушает социальное, с точки зрения Ж. Бодрийяра, «иррациональное» неистовство mass media. Формула Маклюэна «Medium is message» как нельзя лучше «характеризует современную (“cool”) фазу развития всей культуры средств массовой информации, фазу охлаждения, нейтрализации любых сообщений в пустом эфире, фазу замораживания смысла» [Бодрийяр 2000: 33]. Крушение смысла маскируют массы, вокруг которых вращается «хаотическое скопление социального». Массы, с точки зрения Ж. Бодрийяра, это «черная дыра, куда проваливается социальное», «масса есть то, что остается, когда социальное забыто окончательно» [Бодрийяр 2000: 8–12]. Массам необходимо гипнотическое состояние свободное от смысла, а оно «имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр...». «Сфера ее проявления есть сфера симуляции в пространстве социального, или, точнее, в пространстве, где социальное уже отсутствует [Бодрийяр 2000а: 44, 27].

Как видно, предметом исследования Ж. Бодрийяра является общество, теряющее трансцендентность, в котором исчезает само понятие социальности, умирающее в пространстве симуляции. Концепт «симулякр» наилучшим образом соответствует процедурам, характеризующим функционирование современной культуры.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000а. 95 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с франц. С.Н. Зенкина. М.: Добросовет, 2000. 387 с.

Бурлачук В., Танчер В. Символ и симулякр: Концепция символа в социологии постмодерна // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 1. С. 15–28.

Делез Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 5–56.

Зенкин С.Н. Ж. Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросовет, 2000. С. 5–48.

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 352 с.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1996. 360 с.

Царева Е.А. Символ в условиях изменения социокультурного бытия. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 131 с.